

День у Луки выдался так себе. Сестренку снова поймали на базаре, когда она пыталась стащить пару яблок у торговца. Цена тем фруктам была медяк за корзину, да только чтобы выплатить выкуп, матери пришлось всю ночь и весь следующий день без продыху стирать чужое белье. Хорошо, хоть ее подруга, такая же прачка, заболела и передала своих заказчиков матери.

Из-за всего этого он ел только раз за два дня, когда мама, сама едва держащаяся на ногах, пожалев старшего сына-калеку, накормила его сваренной на скорую руку баландой из картофельной кожуры. Этим добром и прочими объедками приторговывал Неманья, хозяин единственной харчевни на весь квартал.

Чтобы помочь матери со сбором выкупа, Лука при ее помощи взобрался на инвалидную коляску и медленно выехал из лачуги, где они жили, к храму. Паперть там всегда занята профессиональными попрошайками, но если сделать вид, что просто проезжаешь мимо, могут и подать.

Мать и слышать не хотела, чтобы позволить ему вступить в Гильдию попрошаек. Она всегда была и оставалась гордой женой гладиатора. Сейчас они жили на окраине города, в которую они перебрались после смерти отца, но было время, когда у них был хороший дом почти в центре столицы, а у Луки, кроме сиделки, была няня, обучавшая его грамоте и прочим наукам.

Отца звали Север, и он был сражен на Арене три года назад. Только его заработки профессионального гладиатора и позволили в лучшие времена приобрести инвалидную коляску для Луки.

Севера убил Свирепый Игнат, ставший после того шестикратным победителем Арены. Шептались, что не все чисто было с тем боем, но не в силах Луки было вернуть отца, что бы там не говорили. Теперь кости Севера гниют в могиле, а Игнат открыл лучшую бойцовскую школу столицы.

Медленно, медленнее болотной черепахи, но Лука пересек небольшой участок перед домом и выехал на улицу. Преодоление пяти метров заняло у него почти десять минут — его тело парализовало сразу, едва он появился на свет, а может, он стал таковым еще в утробе матери. Те немногочисленные мышцы, которыми он владел, позволяли контролировать кисти рук — не так хорошо, чтобы удержать что-то тяжелое, но достаточно, чтобы управлять колесами инвалидной коляски.

— Смотрите, опять этот калека! — закричал один из тех парней, при виде которых Лука сразу разворачивался, чтобы дать деру.

Хотя, выражения «сразу» и «дать деру» не имели к нему никакого отношения. Обычно, его замечали и потом долго измывались, пользуясь его беспомощностью. Особенно жестокими издевательствами выделялся Карим, сын владельца харчевни Неманьи. Вот как сейчас.

Лука крутил колеса так быстро, как мог, пятась коляской поскорее к дому. Он и проехать-то успел всего несколько метров, как выехал со двора дома... Нет, не успеть.

Бултых! В зловонную лужу возле него, поднимая фонтан из грязной воды, плюхнулся булыжник. Луку обдало так, что одежда промокла. Лука стиснул зубы и попробовал двигаться быстрее. Обиднее всего было за напрасный мамин труд, она всегда старалась одеть его в чистое перед прогулками.

Лука развернул коляску. Карим со своей сворой близко не подходили, продолжая развлекаться

закидыванием камнями — путь им преграждала все та же огромная глубокая лужа, разлившаяся от обочины до обочины. Многодневные ливни и паводки затопили дороги, и народ передвигался по обочинам, где было достаточно мелко, чтобы не замочить ноги выше колен.

Следующие булыжники посыпались один за другим — разбрызгивая помои и грязь, ломая спицы колес коляски и щедро наставляя синяки и ушибы Луке. Старшеклассники улюлюкали, гоготали, выкрикивали непристойности в его адрес, и распялись все больше, подзадоривая друг друга особо удачными бросками или оскорблениями.

Один из брошенных камней попал Луке в плечо. Вспыхнувшая боль не позволила ему продолжить отступление — правая рука, казалось, онемела. В глазах защипало от обиды. Как же он мечтал встать! Да хотя бы ползать! Он бы дополз до каждого и вгрызся зубами, и дело было не в боли, а в беспомощности.

Злость Луки была направлена на богов, если они есть, на несправедливость мира, на родителей... Отец потратил много денег, чтобы вылечить сына, но ни многочисленные знахари, ни редкие, специально привезенные из степей шаманы, ни профессиональные медики и врачи не смогли ничего поделать с его недугом.

Одна гадалка сказала, что на сына легли грехи родителей, врал, скорее всего, но Луке это почему-то запомнилось. Наверное, потому, что винить во всем родителей было проще всего. Вот же они, рядом...

Были рядом. Отца уже нет, мать сдает с каждым годом, а сестренка Кора закончит путь в борделе — в этом Лука был уверен. Легконогая, фигуристая для своих тринадцати лет, улыбчивая и абсолютно без каких-либо моральных принципов. А еще с вечно разбитыми коленками. Кора всегда брала все, что плохо лежит, не боялась лезть в драку с мальчишками намного старше, а уж откуда и за что она иногда приносила дорогие вещи — косметику, побрякушки, новые платья... Лука не хотел об этом думать. Он любил сестру, она любила его, и этого ему было достаточно.

— Эй, калека!

Лука непроизвольно обернулся. В последнюю секунду жизни он увидел перед собой огромный, заслонивший солнце булыжник.

<http://tl.rulate.ru/book/15101/298033>